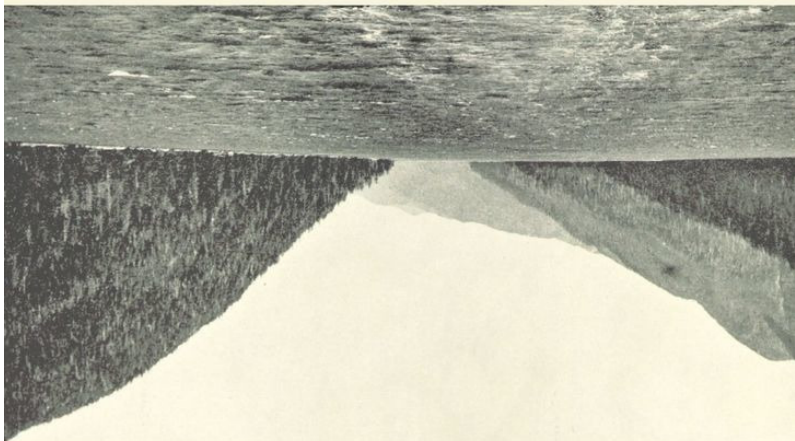

18+

Виктор Подгорский

НЕ СЛУЧАЙНО

Виктор Подгорский

Не случайно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12260541

ISBN 9785447429850

Аннотация

Вокруг происходит, казалось бы, суета. Наверное в этом и заключается тайна — Из тысяч случайностей тогда происходит та, Именно та, которая не случайна.

Содержание

Не случайно	6
«Переводят часы. Драгоценные убегают...»	6
«Похоже, приятель, крышка...»	8
«вода, ведущая перепись...»	10
«Если время – вода, то, наверное, мы – корабли...»	11
«Люблю бродить у моря в шторм...»	13
«Что ты смотришь, как рыба-удильщик...»	15
«В небе отражается вода...»	16
«На тебя не посмотрит солнце...»	18
«Багровые слезы заката...»	19
«Каждое утро встает заря...»	20
«Неожиданно вдруг налетела метель...»	21
«Изумрудный дождь апреля...»	22
«Приземлился где-то на севере самолет...»	23
«Все снегопад на белом свете, снегопад...»	25
«Сегодня на исходе дня...»	27
«Февраль. Вода чернеет. Слякоть...»	29
«Провалился в яму календаря...»	30
«Читал иероглифы сосен...»	31
«Дождь-бисер насквозь пронизал мешковину небес...»	32
«Я Миуссами иду...»	34

«Мелькнув прозолотой, сентябрь поблек...»	35
«Луна замерзла и куда-то поканала...»	37
«Иногда возникает особенный свет...»	39
Превращение	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Не случайно Виктор Подгорский

© Виктор Подгорский, 2020

ISBN 978-5-4474-2985-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не случайно

«Переводят часы. Драгоценные убегают...»

Переводят часы. Драгоценные убегают.
Переводят часы ежедневно, ежеминутно.
– У меня нет времени, дорогая!
– У меня нет времени, абсолютно!
У меня нет времени, есть потери.
Их количество – мера прошедшей жизни.
Все исчезнем. По крайней мере
фотки шлите нам с запоздалой тризны.
Завтра не будет завтра,
а может быть и сегодня.
Останется только последний завтрак,
да сигарета потушенная на сходнях.
Вот человек, покурить вдруг вышел,
или не вышел из перехода.
А оказалось – из этого мира вышел
в места, где нет места времени года.
С каждой минутой в груди все чаще
бьет колокольчик гулко, с отдачей в темя:
пока ты спишь в своей мыслечаще

ты переводишь время.

Все переводят время.

«Похоже, приятель, крышка...»

Похоже, приятель, крышка.
Другого пути не будет.
У лодки пробило днище.
Ее океан остудит

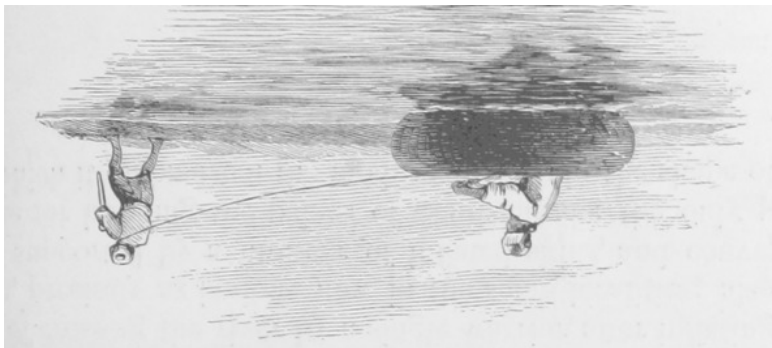
водой ледяной и чистой,
не выпустит силуэта.
По берегу не мечись ты,
теперь бесполезно это.

Все там, в глубине прозрачной
с названием странным Вечность,
где капитан наш мрачно
установился в бесконечность.

Брось, толща воды – как время,
и в ней не отыщешь лаза,
от берега прячет темень,
а берег – от водолаза.

До дна донырнуть не хватит
ни прочности, ни дыханья.
Поддавшийся ей заплатит,
но не потеряв сознание

в ее зазеркалье канет,
а каплей, слезой соленой.
И все же все больше манит
в глубь отблеск ее зеленый.

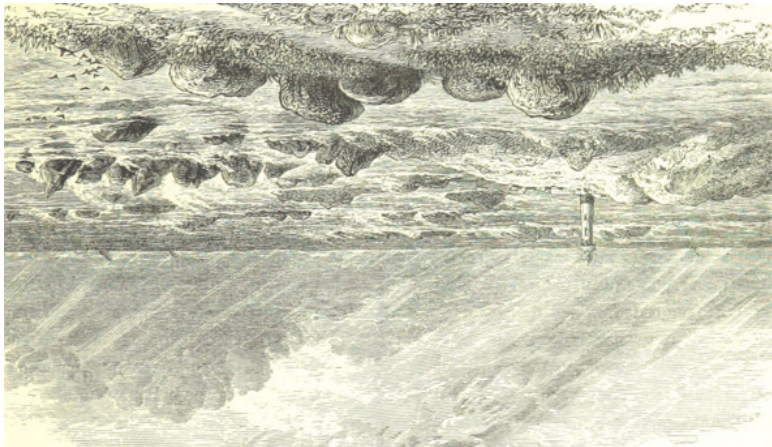
похоже, приятель, крышка

«Вода, ведущая перепись...»

вода, ведущая перепись
отраженного в ней населения,
рябь, скрывающая наслоения дней,
отраженных в ней,
волна, хранящая смытые имена,
р о с а, п о к р ы в а в ш а я
з а б ы т ы е п и с ь м е н а,
цунами, жизнью людских стена,
цунами, жизнью людских стена,
цунами жизнью людских,
стена цунами.
слеза, наших мыслей полна,
дождевая вода, хранящая путь,
стекло ледника – манящая жуть,
снег, коснувшийся кончиков век,
русла куда-то сбежавших рек,
пар, облегчавший пустынный жар,
пар поцелуев застывших под снегом пар,
осенняя грязь, весенняя слякоть, пот,
бурая жижа песков, черная жижа болот —
все это одно
МОРЕ.

«Если время – вода, то, наверное, мы – корабли...»

Если время – вода, то, наверное, мы – корабли,
баркентины, фрегаты, посудины из плексигласа.
Между банок все время лавируем, и на мели
остаются суда, не нашедшие верного галса.
Кто не выдумал паруса, тот не войдет никогда
сквозь проливы любви
в океаны безумных открытий.
Кто-то морю не верит, на рифы бросает борта.
Их обломки уносят течения бурных событий.
На моторном ходу пролетая моря перемен
наши флагманы следуют знакам
подкормленных чаек,
оставляя ведомым лишь крики их слушать взамен
и молиться на парус, поскольку темнеет
и ветер крепчает.

быть лучше альбатросом здесь

«Люблю бродить у моря в шторм...»

Люблю бродить у моря в шторм,
закончив все труды,
когда лишь чайки ищут корм
у вздувшейся воды,

под волн тяжелые шлепки
по спинам валунов,
когда горят лишь маяки,
когда не нужно слов.

Все пахнет йодом и гнильем,
а галька холодна,
и окружает водоем
лишь пустота одна.

Быть лучше альбатросом здесь,
когда гудит прибой,
когда рокочущая взвесь
заполнит берег твой,

когда на крепнущем ветру
качаются стволы,
когда лениво, тяжело
вздымаются валы.

Пожалуй, только с высоты
и можно рассмотреть
как из бурлящей пустоты
прибой выносит смерть,

как мир всеилен и суров,
где место в нем твое,
как время превращает кровь
в ненужное гнилье.

«Что ты смотришь, как рыба-удильщик...»

Что ты смотришь, как рыба-удильщик,
на меня сквозь недвижимую тьму,
ты не видел как черный курильщик
задыхается в едком дыму?

Лучше в тусклое небо взгляни ты,
где в такой же недвижимой мгле
грациозные рыбы разлиты,
помечтай о далекой земле.

Потому что спасает лишь вера
в нашем черном забытом пруду,
где со дна поднимается сера
и клокочет в срединном аду.

«В небе отражается вода...»

В небе отражается вода.
Утекают тучи как всегда.
Огибая, как обычно, дом
исчезает небо под мостом.

Я стою над небом и курю,
и на воду изредка смотрю.
По воде плывут все облака,
в небе отражаются века.

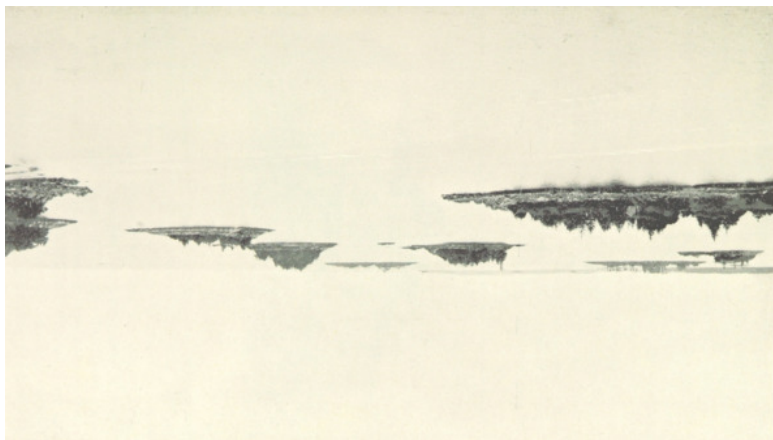
Ветер налетел, и в полчаса
рябью перистой покрылись небеса.
Тучи отражаются в воде.
Под мостами хмуро, как нигде.

И стою я на балконе сам не свой.
Дождь идет под шалой головой.
Молнии сверкают на воде,
и не отражаются нигде.

Под мостами серо, тишь да гладь,
на воде просвета не видать.
Места все себе не нахожу,
по-над небом взад-вперед брожу.

Я курю, в отместку небосводу
выпуская кольца прямо в воду.
Вас ведь тоже тянет не впервой
окунуться в небо с головой?

Вот и я в лазурь нырнуть хочу.
Может быть, на воду улечу.

в небе отражается вода

«На тебя не посмотрит солнце...»

На тебя не посмотрит солнце,
потому что вокруг море,
потому что, ветрам вторя,
солнце снова закрое буря.

На тебя не посмотрит солнце,
потому что таких толпы,
разбивайся хоть пеной о мол ты,
хоть барашком волну хмурия.

На тебя не посмотрит солнце,
потому что ты – луч света,
потому что тебя нету
по волнам ты бежишь где-то.

«Багровые слезы заката...»

Багровые слезы заката
ложились на перелески.
Все то, чем я жил когда-то,
сгорало в багряном блеске.
Огонь обжигал минуты,
прошедшего дня остатки,
в небесной мензурке мутной,
золу оставлял в осадке,
пространства вливал в избытке,
но времени – в недостатке.
Обрывки вчерашних писем,
секунд-однодневок трупы —
любой реагент исчислен,
отмерен и взвешен скупю.
Закат поджигал в бутылке
коктейль Саваофа-Крона,
и жар приливал к затылку,
и сердце пекло синхронно.

«Каждое утро встает заря...»

Каждое утро встает заря,
пожаром идет на вы.
Каждое утро в окне, пыля,
краснеет ожог Москвы.
Стоит за окнами птичий треск,
пытается день цвести.
В глазах опостылевший мертвый блеск,
огонь догорел почти.
Встает человек, оставляя тень
дремать до закатной тьмы.
Являя собой, как всегда, кремень,
идет он смущать умы.
И только когда он вернется вновь,
коррозией слов покрыт,
проснется тень и польется кровь
и плоть его оживит.
И будет на кухне пить горький чай,
не размыкая век,
дымить папироскою невзначай
израненный человек.
Он что-то опять потерял в бою
с рутинной, враньем, с собой
и в тень превращается на краю
отброшенную тобой.

«Неожиданно вдруг налетела метель...»

Неожиданно вдруг налетела метель,
замела все вокруг, посрывала с петель:
Ставни старых окон, не выдавших зимы,
чашки чай, телефон и портрет без жены.

Черновик побелила, слизнув языком
все, что день подложил уходя под язык.
Упивался я белым его молоком,
я устал от обилия правильных книг.

И я лил на него листьев желтых печаль,
черной ночью я выл от тоски на луну,
а когда мне хватало цветов невзначай
сочинял я жену, сочинял я жену.

Но неожиданно вдруг налетела метель,
замела желтой осени след наносной,
все что можно опять посрывала с петель,
унесла и жену. Что же будет со мной?

«Изумрудный дождь апреля...»

Изумрудный дождь апреля
красит быстро в цвет зеленый
холст земли с грунтом метелей,
отшлифованный, беленый.

Хорошо ложится краска,
в клетку красит – в Арлекина.
Где не ляжет – будет маска,
в черной маске Коломбина.

А когда мазки подсохнут
Пак-июль добавит цвета,
и от шума все оглохнут
в бурном карнавале лета.

Осени цвета расскажут,
что осталось от палитры.
А зима все вновь замажет,
вылив белого поллитра.

«Приземлился где-то на севере самолет...»

Приземлился где-то на севере самолет,
неохотно солнце в снега садится.
Вместе с ним туда совершив полет,
приземлилась рядом большая птица.
Оглянись – повсюду ее следы,
ведь она одна не во власти Крона.
Известит тебя клекот ее с воды,
что соленой влаге не стать Рубиконом.
Может быть и сам доберусь туда,
миновав разломы времени и Гондваны,
а пока пусть прозрачная птица та
проживает с тобой на севере постоянно.
Ей тепло, но только не там, где юг,
и не там, где ее ожидать могли бы,
эта птица живет там, где тихий стук
разбивает в сердцах ледяные глыбы.
Эта птица раньше со мной была,
проживала в клетке своей грудной.
Слишком долго там она проспала
и теперь ей время летать с тобой.
Вот и адрес, где можешь ты повидать ее:
Гетеборг. Птичий мост. Лильефорсов ворон.
Принесет она каплю счастья в твое жильё

и не станет будить тебя невермором.

«Все снегопад на белом свете, снегопад...»

Все снегопад на белом свете, снегопад.
Снежинки кружатся как будто невпопад.
Все под становится, что прежде было над,
и время начинает течь назад.
Нам кажется, что в этой суете
мы можем путь найти, по простоте.
Мы все кружим по белой пустоте,
где нет дорог или совсем не те,
где в сторону есть ход, но нет вперед,
где каждый от судьбы чего-то ждет,
где нам встречается не тот в момент не тот,
а снег идет, а снег идет, а снег идет.

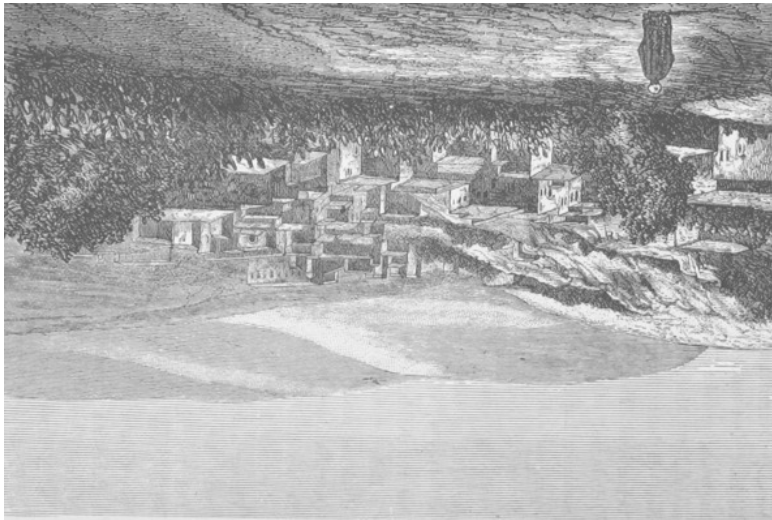
Снег падает, откуда ни возьмись,
и кажется, что дальше только ввысь.
Все замело, и нет других здесь троп,
со всех сторон один сплошной сугроб.
А снег идет. Плотнее снежный ком.
Уж не сыскать сочувствия ни в ком
из тех, кто временем безжалостным влеком,
из тех, кто пол считает потолком.
И даже если мнится, что вдвоем,
уже мы в полном одиночестве идем.

Все сущее мельчает день за днем,
и нам придется раствориться в нем.

Идем туда, где день невозвратим,
где каждый шаг, увы, необратим.
Идем в ничто, а может быть летим.
Идем в ничто, где каждый – побратим.
А снег идет, в ничто из ничего.
Уже нет в мире белоснежном никого,
не слышно снега, только тишина,
и взгляд наш застигает пелена.
А снег идет, и все белым бело.
Ничто в ничто ничто из ничего.

«Сегодня на исходе дня...»

Сегодня на исходе дня
недалеко от пыльной Галилеи
взошла звезда. Звезда была заря
рождения младенца и идеи.
Звезда была сигнал, что с нами бог,
хотя и спорят до сих пор который.
Но свет звезды в тот день в основу лег
того, что стало новую опорой.
И потому тот первый детский крик
был крик о том, что мир переменялся,
что новый мир тогда уже возник,
но старый в нем еще не растворился.
Все было как обычно. Как всегда.
Младенец грудь сосал и пар клубился.
Но было и отличие – звезда.
И те, кто на пороге объявился.

сегодня на исходе дня недалеко от пыльной Галилеи

«Февраль. Вода чернеет. Слякоть...»

Февраль. Вода чернеет. Слякоть.
И темнота в глазах стоит.
Зимы израненая мякоть
землей чернеющей саднит.

Весна себе уже упрямо
в сугробах пролагает путь.
От авитаминоза пьяный
плетешься рысью как-нибудь.

И тишину клюют уж птицы,
хотя до песен далеко.
Зима бездонные глазницы
вперяет в лужи глубоко.

Грачи слетелись тучей чёрной,
рыдать уже давно нет сил,
но рвутся все стихи из горла,
которые не сочинил.

«Провалился в яму календаря...»

Провалился в яму календаря.
Пытался выбраться. Цеплялся за трудодни.
Пытался найти в них тот, который...
Но, вот незадача, чем выше, тем все они
живей становились, иначе – плохой опорой.
Закладки ставил, вбивал крюки,
иначе сказать – закрывал гештальт,
но сделать их мертвыми было бы не с руки,
поэтому вновь срывался и плюхался на асфальт.
Рубил ступени. Порода была тверда.
Не поддавались упрямо былые дни,
пока на помощь ему не пришла вода,
и не утекли вслед за нею песком они.
Песок засыпал по горло и ел глаза,
сушил его кожу. Вода превратилась в пар.
Но ветер помог и унес весь песок назад,
и стал человек свободен, хотя и стар.
Вода источила камни, а ветер унес песок,
жар выпарил воду, осталась соль.
Соль съел он с теми,
с кем был от смерти на волосок.
Одно ему оставалось от трудодней.
Сохранилась боль.

«Читал иероглифы сосен...»

Читал иероглифы сосен
на снежных страницах холмов.
Мне вспомнилось Болдино, осень,
те листья и груды томов.
Вязь листьев на небе глубоком
звучит обреченно.
Читай о них в прописях бога
на белом и черном,
на письменных глыбах гранита,
на камне убогом.
Никто тех листов не читает
у бога.

«Дождь-бисер насквозь пронизал мешковину небес...»

Дождь-бисер насквозь пронизал мешковину небес,
Под нею деревья, красны как созревшие фрукты.
Листвой салютует далекой зиме умирающий лес,
лишь веток и ветра услышишь
едва замирающий стук ты.

Последние утки уже покидают распадки холмов,
в пруду леденеющем знак расставанья читая.
Сидишь у окна и мараешь бумагу на груди томов,
а птицы все кличут тебя, до поры улетаая.

Печальнее нет ничего и прекраснее нет,
чем дьявольский миг умиранья за миг до рожденья,
когда все пустое и лишнее сходит на нет,
когда застигает поля покрывало забвенья.

Осенние сакуры наши – береза и клен —
лишь миг золотятся, чтоб после исчезнуть навеки.
Так страсть существует, пока мимолетно влюблен,
чтоб после оставить лишь семя тоски в человеке.

Поэтому стар не кто много прожил,
а кто пережил много смертей,

кто в панцире льда заковал
бытия предыдущего время.

И молодость лишь не считает ни сил, ни потерь,
покуда росток пробивается
сквозь не замерзшее семя.

Дождь-бисер настойчивей дятла
стучится в проемы окна.

Деревья и лужи все больше похожи на пятна.

Как горькие слезы, поля застигает вода.

По ком же ты плачешь, осенняя даль?

Не понятно.

«Я Миуссами иду...»

Я Миуссами иду.
Липы в желтую дуду
тихо дуют мне во след.
Храм здесь был и храма нет.

Кроют листья золотом крыши,
в парк осенний входят мыши.
Под золатыми куполами
я стою один во храме.

Храм живет всего мгновенье,
шанс последний для прозренья.
Станет золото завтра медь,
станет нечему звенеть.

Посереет ляпис быстро.
Не прошляпай лазури чистой.
Каждый бог и каждый раб
в лето для ворон и баб.

Скоро облетит добро,
все покроет серебро.
Торопись принять на счастье
в храме осени причастье.

«Мелькнув прозолотой, сентябрь поблек...»

Мелькнув прозолотой, сентябрь поблек
и бронза легла уже у изголовья.
Октябрь, ржавеет железный твой век,
предвестник ноябрьского средневековья.
И скальдов напев монотонно нудит,
и тинг опустел. Вспоминают поэты,
о том, в чем история их состоит,
о каменном веке ушедшего лета.
И теплые камни у них иногда
о вечности хлада вдруг сеют сомненья,
но зиму забыть смогут только тогда,
когда засияет весна возрожденья.
И новое время начнется опять,
останется грязь в утомительном марте,
нарушит апрель с мраком прошлого связь,
и выступит зелень тогда в авангарде.
И в май революции, в песни лесов
ворвется июньское солнце в зените.
От неги июльских пленительных снов
очнемся когда-то, уже в неолите.
И каменный август тот цикл завершит,
на новый виток этот век умножая,
и девять кругов вслед за ним предстоит

до нового солнца и до урожая.

«Луна замерзла и куда-то поканала...»

Луна замерзла и куда-то поканала,
с утра все головы заполонил туман.
Пытаюсь отыскать звезду на дне канала —
не отражает ничего обсидиан.

В леса Исакий облачился гордо,
да всадник медный, в бледном свете одинок,
закутал металлическую морду,
поскольку к вечеру до атома продрог.

На город пала влага тяжким прессом —
пора их всех передавить, давно бы так.
Бакланы наблюдают с интересом
чем кончится весь этот кавардак.

А что с них взять, они же птицы-дуры,
да из прохожих не заметил ни один,
что на Фонтанке Пушкин строит куры,
и по Разъезжей бродит хмурый господин.

Накрыло берега горячкой белой,
Евгений наш спасается зазря.
Привет последний от природы помертвелой —

ночь всех подряд в начале ноября.

Луна уже давно куда-то поканала,
да на ночь глядя в головах еще туман.
Хоть что-нибудь найти хочу на дне канала —
не отражает ничего обсидиан.

«Иногда возникает особенный свет...»

Иногда возникает особенный свет.
Время смешалось. День как будто бы раздвоился.
И кажется все таким... Не случайным, нет.
Как будто об этом кто-то договорился.
Тебе кивает именно этот сфинкс,
тебя манит именно Банковский мост.
Повеление сверху, судьба или идефикс?
Кто-то прошел по Неве. Иисус Христос?
На этот вопрос не найти ответ,
ответ как будто бы растворился.
– Не вы у Достоевского забыли пакет?
– Простите, должно быть, заговорился.
Однажды заглянешь за горизонт,
а там одни облаков овраги.
– Не вы у великой княгини забыли зонт,
когда заезжали к нам, на Елагин?
Вокруг происходит, казалось бы, суета.
Наверное в этом и заключается тайна —
из тысяч случайностей тогда происходит та,
именно та, которая не случайна.

Превращение

Стою нагой в воде одной ногой.

Стою ногой в воде одной, нагой.

Стою нагой. В воде одна нога.

«Стою нагой в воде одна». Нога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.